

Из истории Вологодской епархии в 1943–1953 годах

В Вологодской епархии в дореволюционный период действовали около 900 храмов и более 20 монастырей. 23 сентября 1937 г. Вологодская область была выделена из Северного края. Утратив часть северных и восточных территорий (от прежней Вологодской губернии в пользу Коми АССР отошли Усть-Сысольский уезд с 66 церквами; в пользу Архангельской области — Сольвычегодский (63 церкви) и Яренский (37) уезды)¹, она приняла северо-восточную часть Ленинградской области (бывшие 4 уезда Новгородской губернии: Череповецкий, Кирилловский, Устюженский, Белозерский), а также Вытегорский уезд Олонецкой губернии и часть Пошехонского уезда Ярославской губернии (от Пошехонского уезда перешли 21 церковь и 20 часовен). В итоге получилась область с 41 районом (в конце 1950-х гг. начался процесс уменьшения числа районов в связи с расселением деревень, количество районов в относительно короткие сроки было сведено к 26, каким остается и по сей день). К 1 января 1943 г. остались лишь 2 зарегистрированные действующие церкви: кафедральный собор в честь Рождества Богородицы в Вологде (единственный храм в епархии, который никогда не закрывался) и церковь в честь Покрова Богородицы в Кичменгском Городке. Во 2-й половине XX в. Вологодская епархия по числу действующих храмов оказалась одной из самых малочисленных в Русской Православной Церкви. Все монастыри были закрыты, превращены в музеи (Кирилло-Белозерский, Ферапонтов с уникальными фресками Дионисия 1503 г.; Троице-Гледенский и др.), в тюрьмы (Кирилло-Новоезерский), от некоторых не осталось и следа (Леушинский женский монастырь, закрытый в январе 1930 г., затоплен Рыбинским водохранилищем в 1941–1947 гг.)².

История Русской Православной Церкви на Вологодчине во 2-й половине XX в. изучалась мало. Вологодский историк А. В. Камкин отметил,

* © Жамков А. П., 2008

Алексей Петрович Жамков, студент Московской Духовной академии.

что тема церковно-государственных, церковно-общественных отношений применительно к периоду 1940–1990-х гг. только лишь начинает разрабатываться³. В марте 2006 г. была защищена диссертация О. Б. Молодова по теме «Советское государство и Русская Православная Церковь на Европейском Севере в 1960–1980-е годы». Я. Б. Тимофеева рассмотрела письма и заявления с просьбами об открытии храмов как источник по изучению религиозности сельского населения в 1940-х гг.⁴ На этом список основных исследований заканчивается. Изучение данной темы осложняется тем, что на сегодняшний день остаются недоступными ряд фондов Государственного архива Вологодской области (ГА ВО) и Вологодского областного архива новейшей политической истории. Например, ф. 1300 ГА ВО, содержащий разнообразные материалы по работе уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви, имеет ограниченный доступ на 75 лет.

Цель настоящей статьи — показать эволюцию церковно-государственных отношений в Вологодской епархии в 1943–1953 гг. Основными источниками для исследования послужили документы ф. Р–6991 ГА РФ. Здесь хранятся материалы Совета по делам Русской Православной Церкви (Совета по делам религий). В настоящем исследовании впервые вводятся в научный оборот хранящиеся в ф. Р–6991 письма и отчеты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви по Вологодской области. В 1943–1952 гг. им был И. М. Игнатов, которого сменил А. П. Лимин.

В устных указаниях И. В. Сталина главе Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпову осенью 1943 г. содержались следующие положения: не брать на себя функции обер-прокурора, не совершать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь Церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность Церкви; обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы общения с Патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; не смотреть в карман Церкви и духовенства; обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии; не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и др.

Данные указания перестали выполняться практически сразу, еще в начале работы Совета. Так, вологодский уполномоченный довольно ревниво с первых же лет своей деятельности стал наблюдать за доходами храмов и движением денежных потоков в Церкви. В 1947 г. Игнатов отмечал, что, несмотря на большие затраты по ремонту и оборудованию вновь открытых и старых церковных зданий (321 702 рубля), во всех церквях как за 1945 бюджетный год, так и за прошлый 1946-й имеются значительные денежные остатки. Следовательно, церковные общины области живут зажиточно⁵. «В области отмечается безусловный рост доходов церквей. Так, Богородице-кладбищенская церковь в городе Вологде имела: в 1946 году — 1 272 889 рублей, в 1949 году — 1 847 560 рублей⁶. Отражается общий рост бюджета Вологодской епархии, именно: остаток на 1 января 1946 года — 212 991 рубль; на 1 января 1947 года — 210 972 рубля; на 1 января 1948 года — 312 863 рубля; на 1 января 1949 года — 694 056 рублей; на 1 января 1950 года — 723 461 рубль⁷.

Это сообщение Совет до делам Русской Православной Церкви воспринял как тревожный знак. Увеличение денежных средств напрямую связывалось с увеличением посещаемости церквей. Карпов прислал письмом Игнатову о том, что вопросы о положении и деятельности Церкви за отчетный период в его докладе не нашли надлежащего освещения: «Видимо, Вы в своей работе мало уделяете внимания этой основной стоящей перед Вами задаче. В частности, в докладе Вы утверждаете, что посещение церквей верующими снизилось на одну треть, а затем... говорите, что доходность церквей не снижается, а с каждым годом растет. Это уже противоречит тому утверждению, что посещаемость церквей сократилась»⁸. В 1946 г. от продажи крестиков, венчиков, разрешительных молитв, лампадного масла и прочей утвари епархия получила чистой прибыли 160 185 рублей⁹.

В годы Великой Отечественной войны Вологодская епархия не оставалась безучастной к судьбам страны, совершались сборы средств на военные нужды. Взносы поступали в основном от двух церквей, которые действовали в епархии в 1942–1943 гг.: кафедрального собора Рождества Богородицы в Вологде и Воскресенской церкви в селе Носовском под Череповцом (на самом деле речь идет о каменной церкви в честь родителей Пресвятой Богородицы Иоакима и Анны, которая располагалась рядом с разрушенной Воскресенской). Игнатов так писал об этом в отчете за 1944 г.: «В Вологодской области на 1943 год были всего только 2 действующие церкви, и только с прошлого года стали функционировать еще две. С начала Отечественной войны ими собрана значительная сумма: 2 609 255 рублей 67 коп[еек], из них собрано духовенством и верующими на подарки Красной армии 181 189 рублей, на оказание помощи детям и детским учреждениям бойцов Красной армии 380 066 руб[лей] 67 коп[еек], на оказание помощи семьям красных воинов 80 000 рублей, и остальные деньги собраны на цели обороны (постройка танков, самолетов и др.). В пасхальные дни собрано 350 000 рублей, из них 60 000 рублей собрано для сирот бойцов Красной армии, 50 000 рублей для покупки облигаций военного займа и 240 000 рублей в фонд обороны СССР. Надо особо отметить успешные сборы на помощь инициативным детским домам, в которых воспитываются дети-сироты бойцов Красной армии, и их семьям. Были случаи (Череповецкий район), когда после призыва священника выступали сами верующие с призывом ничего не жалеть в помощь Красной армии, с такой доблестью громящей ненавистного врага»¹⁰.

Однако власти не желали восстановления сильной церковной организации. Это ярко проявилось в вопросе открытия храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайства верующих сначала рассматривались местными органами, в случае их одобрения пересылались в Совет по делам Русской Православной Церкви, после утвердительного решения которого поступали в Совнарком, а затем снова в Совет. Такая многоступенчатая процедура была выработана с целью тщательно «дозировать» открытие новых храмов. Бесконтрольный стихийный рост количества приходов вызвал тревогу в правительстве. Например, в соседней Ярославской области без санкции центральных органов в 1942–1943 гг. была

открыта и действовала 51 церковь. В ноябре 1943 г. в одной из бесед с Карповым В. М. Молотов указывал: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей... В последующем по вопросу открытия входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы... Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решения этого вопроса»¹¹.

В Вологодской области в военные годы до создания 14 сентября 1943 г. Совета по делам Русской Православной Церкви была открыта только одна церковь — Воскресенская в селе Носовском Череповецкого района. 23 февраля 1944 г. член Совета Г. Т. Уткин написал вологодскому уполномоченному письмо, прося разъяснений, кем и когда было дано разрешение на ее открытие. Уполномоченный ответил: 10 сентября 1943 г. постановлением облисполкома по ходатайству верующих и по заключению Череповецкого райгорисполкома¹². Следует отметить, что впоследствии во всех отчетах Игнатова и даже более поздних дата открытия церкви и дата регистрации двадцатки фигурировала другая — 10 октября 1942 г.¹³ Решение вопроса об открытии церквей на территории области власти затягивали. Иногда оно превращалось в фарс, иногда переходило в жесткое столкновение между Игнатовым и епископами Вологодскими и Великоустюжскими Иустином (Мальцевым) (1945–1949 гг.) и Гавриилом (Огородниковым) (1949–1959 гг.).

Еще в начале 1944 г. Игнатов отмечал активизацию верующих в области, особенно по районам: Череповецкому, Кирилловскому, Петриневскому, Великоустюжскому, Устюженскому и Грязовецкому. Отсюда поступало наибольшее количество заявлений об открытии храмов. Открытие церкви в селе Носовском, по мнению уполномоченного, породило ценную реакцию. Наблюдалось значительное увеличение количества заявлений в 1-м полугодии 1944 г. по сравнению с 1943 г.: «Если сравнить количество разных заявлений, поступивших от верующих по месяцам, то наблюдается их значительный рост. Так, в декабре месяце 1943 года по входящему журналу поступило 8 разных заявлений, в 1944 году в январе — 16, в феврале — 19 и в марте — 26. По исходящему журналу зарегистрировано, кроме посылки инструктивного материала по райисполкомам, соответственно по месяцам: в декабре — 6 ответов, в январе — 10, в феврале — 20, в марте — 19. За первый квартал 1944 года всего входящих поступило 61 заявление и исходящих ответов 49. Количество заявлений об открытии церквей, поступивших в течение 1-го квартала, — 15, из них проверено, рассмотрено и отказано в открытии церквей по 9 заявлениям; не рассмотренных и находящихся на проверке и рассмотрении — 6 заявлений. Увеличилось количество обращений в облисполком по делам Русской Православной Церкви, например, в марте было 12 посещений. Наблюдаются случаи, когда открытие церкви в одном сельсовете возбуждает у верующих вопрос, почему не открывают церковь в их приходе, то есть в соседнем сельсовете. Так, например, открытие церкви в сентябре месяце прошлого (1943) года в Череповецком районе в Шубацком сельсовете (носовской церкви) побудило отдельных лиц из верующих возбудить ходатайства об открытии церквей в своих бывших приходах. Заявители не стесняются тем, что церкви

заняты уже под культурно-хозяйственные нужды или находятся в полуразрушенном состоянии»¹⁴.

5 октября 1944 г. в докладной записке Молотову по итогам 1-го полугодия работы Совета Карпов выдвинул ряд положений об открытии церквей. Применительно к Вологодской области интерес вызывают следующие: «В целях борьбы с нелегальными церковными группами там, где они приняли широкие размеры, и в тех областях и районах, где настойчиво ставится вопрос об открытии церквей, пойти на расширение сети действующих церквей до 2–3 на район. Разрешать слом действующих церковных зданий только в исключительных случаях, в случае угрозы обвала и т. п. Переоборудование действующих церковных зданий не разрешать. Не препятствовать церковным приходским советам в производстве необходимого ремонта церковных зданий... Строительство же новых молитвенных зданий не разрешать»¹⁵.

Согласно предложению Карпова, в области могло бы быть открыто 80–120 церквей. Однако настроение в облисполкоме было иным, гражданские власти открывать храмы не спешили. К маю 1944 г. в области действовали 4 церкви: кафедральный собор в Вологде, церковь Покрова Богородицы в местечке Погост под Кирилловом (открыта 4 октября 1943 г.), Воскресенская церковь в селе Носовском Череповецкого района и церковь в честь Казанской иконы Божией Матери в Устюжне (открыта 22 октября 1943 г.)¹⁶.

Из этих и других районов, из Вологды в облисполком непрерывно поступали заявления об открытии храмов. Возбудили ходатайства верующие деревень Конечново и Погорелка Череповецкого района, жители Череповца просили об открытии соборной Благовещенской церкви, верующие Устюжского района — об открытии Георгиевской церкви в Понизовском сельсовете и Сретенской в Оснопольском. Однако всем было отказано по причине того, что эти приходы могут быть вполне обслужены другими, уже действующими церквями, находящимися в данных районах. Группа верующих Великого Устюга возбудила ходатайство об открытии Преображенской церкви, находящейся в центре города на Комсомольской площади, где обычно проходят митинги и демонстрации в дни революционных праздников. Через горисполком Великого Устюга поступило указание, что положительное заключение облисполкома возможно при условии, что будет использоваться церковное здание, расположенное не в центре города¹⁷.

Чтобы «быть обслуженными действующими церквями в соседних районах», верующим приходилось преодолевать десятки, а то и сотни километров. Даже тогда, когда в 1948 г. числились действующими 19 храмов, епархия представляла собой духовную пустыню. Епископ Гавриил в 1954 г. отмечал: «Православное население, живущее вдали от храмов, при некотором свободном отношении к церковному браку, исповеди и принятию Святых Таин... считает своим нравственным долгом крестить детей и отпевать умерших. Там, где имеются железнодорожные и водные пути сообщения, они приводят детей в храмы преимущественно в летнее время. Такой наплыв особенно замечается в Вологде, Великом Устюге, Череповце, Усть-Печенге на Сухоне и других местах¹⁸... Как охарактеризовать состояние церковной жизни в епархии?

Можно говорить и делать оценку положения только исходя из наличия в 13 районах области 17 открытых храмов, представляющих собою редкие маяки, которые, конечно, не освещают громадного пространства Вологодской области. В школах и вне их ведется широкая пропаганда материалистического мировоззрения. Молодое поколение... растет без религиозных убеждений. Проповедь безбожия не встречает сопротивления в общественной жизни православного населения. Ведущаяся в храмах проповедь христианского учения, излагаемая зачастую бессистемно, доступна только для тех, кто посещает эти храмы.

Большинство же верующего населения, живущее в остальных 28 районах, где нет открытых храмов, лишено слова Божия, лишено таинства Евхаристии, не может отпеть умерших, освятить дома и т. д. Как обрисовывает положение настоятель Покровской церкви в Усть-Печенге Тотемского района протоиерей Геннадий Юрьев, ревностный миссионер и пастырь? Смежные районы Биряковский, Междуреченский, Сямженский, Бабушкинский, Тарногский, Нюксенский, Никольский, Кичменгско-Городецкий, расположенные к югу и северу от реки Сухоны на площади 100 000 квадратных километров, не имеют ни одного открытого храма. Усть-Печенгская церковь, как свеча, продолжает озарять светом Христова Евангелия и удовлетворять религиозные нужды притекающего к ней верующего населения. Несмотря на отсутствие транспорта, придирки и оскорбления, отец Геннадий Юрьев в летнее время посещает соседние деревни, проходя пешком сотни километров. С болью в сердце замечает он, как чистота веры православной подменяется грубыми суевериями: вместо креста для предохранения себя от болезней носят амулеты-монетки, вместо молитв учат детей заговорам или «сон Богородицы». Святые иконы имеются в большинстве домов. В крестьянских селениях священника встречают с радостью и радушием, в рабочих поселках хотя и рады его приходу, но воздерживаются пригласить его в свои дома «страха ради иудейска». Верующие в скорби духовного голода сетуют на то, что не разрешают им открывать храм, говоря: «Мы живем, как звери в лесу»¹⁹.

«Скорбь духовного голода» отразилась в многочисленных письмах-обращениях верующих. Так, из Мяксинского района писали: «Если разрешите нам открыть [церковь] и проводить обряд священный, то нам дайте священника, и просим убедительно разрешить нашу просьбу, так как уже сейчас начинаются везде открытия церквей, как уже не безызвестно нам, православным, что вера православная не опровергнута». Примерно в том же духе писали заявители из Кирилловского района: «А ведь нам известно, с изволения высшей центральной власти нашего правительства в лице вождей членов ВЦИК обнародовано в правительственной печати (газетах от 5 сентября, 8 сентября 1943 г.), учрежден Синод и Патриаршество. Это и значит, что оно для управления церковью, чтобы ими управлять, значит, их мало, надо открывать больше, а то и управлять некем. Тогда не нужен ни Синод, ни Патриаршество, а все это учреждено для церквей». Руководители бывшей двадцатки Воскресенской церкви в селе Рукино Мяксинского района просили разрешить им провести сбор средств для ремонта церкви и возбуждения ходатайства об

ее открытии: «Клуб закрыт лишь в конце 1943 года по причине той, что центральная московская власть дала распоряжение об открытии храмов, и освободившаяся от клуба церковь скоро-наскоро была завалена хлебом... Мы посылали заявления в Москву, нам было разрешено открыть церковь, но местная власть плохо смотрит на это, ей нравится, чтобы мы были дикарями», — писали заявители из Череповецкого района Абакановского сельсовета. «Ясно видно, что сильнейший тормоз является со стороны нашей местной власти, чтобы не дать возможности открыть нам наш храм — рукинской Воскресенской церкви», — писал ходатай Пикарев из Рукинского сельсовета Кирилловского района²⁰.

В 1943–1944 гг. в 4 действующих храмах служили 6 священников и 2 диакона. Епископа не было, кафедра с 1940 по 1945 г. оставалась вдовствующей²¹. 8 января 1945 г. на нее был назначен 2-й священник кафедрального собора в честь Рождества Богородицы Иоанн (в монашестве Иустин) Мальцев. В 1944 г. облисполком разрешил общине кафедральной церкви занять для богослужений 2-й этаж, используемый архивом НКВД. Одновременно облисполком отклонял обращения вологжан об открытии 2-й церкви в областном центре: «Надо отметить отдельные случаи участия в организации подписей людей из числа интеллигенции. Так, например, бухгалтер Вологодского отделения треста “Маслопром” Казаков ходатайствовал об открытии в городе Вологда кладбищенской церкви во имя св. Лазаря. Облисполком отклонил ходатайство, и верующий Казаков подал вторичное заявление в Совет при СНК СССР»²². 21 октября 1945 г. Лазаревская церковь на Горбачевском кладбище Вологды была открыта²³.

На 1 апреля 1947 г. в области действовало 13 церквей: 2 в Вологде, по одной в Великом Устюге, Череповце, Грязовце, Устюжье и 7 — в сельской местности. В них служили 20 священников, 1 диакон, 5 псаломщиков. 14 священников были уже пожилыми (старше 55 лет), и только шестеро от 41 года до 55 лет²⁴. Епископ Иустин в письме «усиленно просил» об открытии еще 4 храмов: в честь Нерукотворного Образа Спасителя в селе Спас-Лом Мяксинского района, Ильинской церкви в Усть-Кубенском районе, Дмитриевской в Чёбсарском и Покровской в Устюженском районах²⁵. Несмотря на то что апреле 1947 г. из Совета по делам Русской Православной Церкви в облисполком пришло извещение: «Совет считает, что в Вологодской области действительно следует разрешить открыть некоторое количество церквей. Рассмотрите конкретно вопрос об открытии каждой церкви, названной в письме епископа»²⁶, — ни одна из этих церквей так и не была открыта.

Игнатов неоднократно направлялся облисполкомом в различные районы области для проведения массово-политической работы, идеологической поддержки сельскохозяйственных работ. Это давало возможность узнать религиозное настроение в колхозах. Верующие колхозники ссылались на официальные приемы членами советского правительства Патриарха Сергия, членов Синода, на приезд архиепископа Йоркского в СССР²⁷. По выражениям верующих, советское правительство даже обещало оказывать помощь в восстановлении церквей и содержании священников. Игнатов на сельском сходе,

посвященном вопросу открытия храма, переводил разговор в финансовую сторону и тем самым добивался «успеха»: потребность в стройматериалах, рабочей силе, материальных расходах. После таких «разъяснений о порядке открытия церкви» верующие не проявляли особого стремления идти на затраты, связанные с церковными делами²⁸.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. отношение центральных и местных властей к открытию храмов ужесточилось. По сообщению Игнатова, в I квартале 1947 г. поступило 15 заявлений об открытии церквей, причем вновь были составлены лишь 7, в то время как 8 заявлений поданы вторично, в 3-й, в 4-й и даже в 5-й раз, как, например, заявление из Кирилловского района. «Тем хуже», — пометил на полях Карпов и подчеркнул текст отчета уполномоченного²⁹. 31 июля 1950 г. Игнатову пришло секретное письмо, в котором прямо говорилось, что церкви в Вологодской области открываться больше не будут. В письме от 29 октября 1949 г. Совет по делам Русской Православной Церкви указывал, что необходимости выезжать в районы в целях проверки правильности подачи ходатайства об открытии церквей нет, так как вопрос об открытии церквей больше не ставится на рассмотрение ни в облисполкоме, ни в Совете, в то время как проверка только активизирует ходатаев. Совет рекомендовал Игнатову прекратить проверку заявлений, т. е. посылать проверяющих в районы, а также не ставить вопрос в облисполкоме, поскольку «в данное время заявления об открытии церквей больше пишут бывшие церковники и лица, заинтересованные в корыстных целях, и меньше всего пишут сами верующие»³⁰.

Изменение политики гражданских властей было настолько стремительным, что ни верующие, ни духовенство, ни архиерей не могли в это поверить. Особенно много заявлений об открытии храмов поступало в 1949-м — 1950-х гг., но ни одно из них не было удовлетворено. Ни уполномоченный, ни местные органы не давали никаких объяснений, почему они отказываются удовлетворить просьбы верующего населения. Представители церковных общин, приезжая в Вологду, посещали епископа и уполномоченного и выражали сетования по поводу такого отношения властей, заявляя, что они «не видят выхода, как только подавать свои заявления непосредственно Председателю Президиума Верховного Совета или в Совет Министров». Епископ Гавриил советовал представителям общин добиваться разрешения в районных центрах и затем в облисполкоме и, «не смущаясь отклонением заявлений, подавать повторные прошения. Трудно допустить, чтобы Вологодский облисполком так легко мог изменить свое отношение к вопросу открытия храмов»³¹. Тем не менее облисполком на все заявления об открытии церквей отвечал отказом. 29 февраля 1948 г. была открыта последняя церковь — во имя свт. Николая Чудотворца в Уломском районе. На этом процесс открытия и возрождения храмов в Вологодской области прекратился ровно на 40 лет, до октября 1988 г.

В 1-м полугодии 1948 г. «по инерции» Вологодский облисполком разрешил открыть еще 3 церкви: Покровскую церковь в селе Анхимово Вытегорского района, в честь Нерукотворного Образа Спасителя в селе Спас-Лом Мяксинского района и Успенской синегодской церкви в Великоустюгском

районе, но ни один из храмов в результате не был передан верующим. В Вытегорском районе, где действующих церквей не имелось, посещения верующими райисполкома и облисполкома становились все более частыми. Игнатов провел проверку движения по открытию церкви в селе Анхимово, выехав в Вытегорский район. Он предпринял немалый труд по обходу каждого дома в Анхимове и прилегающих населенных пунктах, отмечая наличие икон в значительном количестве домов и высокую обращаемость за требами. В Совете по делам Русской Православной Церкви такое вторжение в дома верующих было расценено как нарушение Конституции³². Деревянная 17-главая церковь 1708 г. постройки числилась как памятник архитектуры, находилась в ведении районного краеведческого музея и отдела архитектуры облисполкома. Со стороны этих органов не имелось препятствий к передаче церковного здания верующим.

Не было действующих церквей и в Мясинском районе. Особенностью же церкви в честь Нерукотворного Образа Спасителя было то, что под спудом с южной стороны храма у Благовещенского придела почивали мощи прп. Игнатия Ломского³³. Первое заявление об открытии церкви было отклонено облисполкомом 18 августа 1944 г. Ни один год не обходился без подачи повторных заявлений и посещения уполномоченного. В 1944 г. было подано 3 заявления, в 1945 — 2; в 1946 — 1; в 1947 — 4³⁴. Это побудило Игнатова совершить командировку и туда, в глухой уголок области, с 25 января по 10 февраля 1947 г.

В IV квартале 1947 г. было дано положительное заключение об открытии Успенской синегодской церкви в Великоустюгском районе. Уполномоченный в это еще более отдаленное место не выезжал (проезд по железной дороге занимал много времени и проходил через Кировскую или Архангельскую области). Решение было принято только на основании представленной документации. Как выяснилось впоследствии, инициатором заявления об открытии церкви оказался священник великоустюгского собора во имя св. Прокопия Праведного Феодор Тихонин. Подписи собирались не в сельсовете, где находилась церковь, а на городском рынке. Решение об открытии церкви было немедленно отозвано облисполкомом³⁵.

Мне не удалось установить причины, по которым Совет по делам Русской Православной Церкви и Вологодский облисполком в конце концов запретили передачу верующим храмов в селах Анхимово и Спас-Лом. Однако на основе изученных документов очевидно, что власти стремились полностью прекратить открытие новых храмов в области. Как только 25 июня 1948 г. было вынесено положительное заключение об открытии этих церквей, сразу возникли проблемы с возобновлением богослужений. Нашелся предлог: обе церкви числятся как памятники архитектуры, а у общин отсутствуют договоры с отделом архитектуры. Заключению договоров активно препятствовал облисполком. Необходимо, однако, отметить, что если Покровская церковь в селе Анхимово имела признаки памятника архитектуры (деревянное северное зодчество), то церковь в честь Нерукотворного Образа Спасителя в селе Спас-Лом памятником архитектуры («старинны») была названа по

указанию облисполкома³⁶. В отчете за 1951 г. Игнатов писал, что «по указу Совета временно открытие этих церквей было задержано, и... эти церкви были сняты уполномоченным Совета с учета»³⁷. Епископ Гавриил, усмотрев в закрытии церквей самовольство и произвол местных властей, пытался путем подачи заявления на имя Патриарха вновь добиться положительного разрешения вопроса.

Заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшев в 1949 г. прислал Игнатову секретное инструктивное письмо, в котором говорилось следующее: «Приходские общины церквей в селах Анхимово Вытегорского района и Спас-Лом Мяксинского района, задержанных открытием по указанию Совета, следует снять с регистрации, а церковные здания разрешить использовать под хозяйственные нужды. Одновременно снимите с регистрации и зарегистрированных в этих приходах священников, а епископ пусть их переведет в другие приходы. Примите меры к тому, чтобы церковная служба, совершаемая в арендуемых домах этих сел, была прекращена и арендные договора расторгнуты»³⁸. Епископ Гавриил и настоятели церквей не уступали. Протоиерей Геннадий Юрьев в связи с тем, что храм закрыт, пытался организовать богослужения в часовне недалеко от церкви, построенной над святым источником. Игнатов противостоял этому, объясняя о. Геннадия, что это равносильно открытию молитвенного дома, ради которого местные колхозники не изъявляют желания «огород годить»³⁹.

12 июля 1949 г. Игнатов, находясь в Москве, имел беседу с членом Совета по делам Русской Православной Церкви И. И. Ивановым. Обсуждались различные вопросы работы вологодского уполномоченного, в том числе проблемы спас-ломской и анхимовской церквей. Вернувшись в Вологду, уполномоченный встретился с епископом Иустином и заявил, что обе церкви закрыты, сняты с регистрации, священников Геннадия Юрьева и Николая Поповского необходимо перевести на другие приходы. На вопрос епископа, возможно ли вновь возбуждать ходатайство об открытии этих церквей, уполномоченный ответил: право верующих — возбуждать ходатайство о всякой церкви в этих районах [Вытегорском и Мяксинском. — А. Ж.], кроме спасомской и анхимовской⁴⁰.

Вологодский облисполком и уполномоченный приступили к закрытию этих церквей, пользуясь удобным моментом — сменой правящего архиерея. 3 сентября 1949 г. уполномоченного посетили епископы Иустин, перемещенный на Псковскую кафедру, и вновь назначенный Гавриил. Прием носил характер знакомства, архиереям были заданы трафаретные вопросы: как здоровье после дальней дороги, как разместились и т. п. Однако вопрос об открытии церквей был поставлен и здесь: «Епископ Иустин, желая показать свою «ревность о Боге», в беседе выдвинул следующую просьбу: 1) об открытии второй церкви в Тотемском районе, где имеется одна действующая церковь; 2) открыть вторую церковь также в Кирилловском районе (на окраине города Кириллова); 3) в городе Устюжне открыть приписную церковь Покрова Богородицы и 4) в городе Великий Устюг — тоже приписную Стефа-

новскую кладбищенскую. Я записал просьбу двух епископов и сказал, что просьба эта будет учтена при подаче заявлений об открытии этих церквей и при рассмотрении их в облисполкоме»⁴¹. Ни одна из указанных церквей не была передана верующим, кроме кладбищенской церкви во имя свт. Стефана Великопермского в Великом Устюге, но и это произошло лишь в 1964 г.⁴²

Относительно церкви в честь Нерукотворного Образа Спасителя в селе Спас-Лом епископ Гавриил направил в Совет по делам Русской Православной Церкви письмо, которое еще больше накалило обстановку. В нем говорилось, что верующие сомневаются в правильности закрытия церкви, подозревают произвол местных властей. Из Москвы епископу пришел ответ, в котором сообщалось, что закрытие произведено по решению Совета, которое распространилось также и на некоторые храмы в других епархиях⁴³. 10 февраля 1950 г. епископ Гавриил был вызван в облисполком. Игнатов очень тяготился давним вопросом, который был поднят вновь и показался ему «назойливым, досадным», стал утверждать, что возвращаться к нему нет необходимости, ссылаясь на решения Совета, пытаясь снять с себя подозрения и вину, дал понять, что ставить повторно вопрос об открытии бесполезно⁴⁴.

Все это в итоге привело к конфликту и натянутым отношениям между облисполкомом и епископом Гавриилом. Игнатов с удовлетворением отмечал, что двадцатки, верующее население, окружающее анхимовскую и спасо-ломскую церкви, никак не реагировали на их закрытие, не поддерживали духовенство и епископа. Все это стало возможным благодаря массовой атеистической пропаганде в данных районах, и виновато в этом только духовенство⁴⁵. Однако трудно поверить в то, что одновременно с отклонением заявления стремительно упала религиозность местного населения, горячо любившего свои храмы.

Добиваться разрешения открытия церквей, не смущаясь отклонением заявлений, подавать повторные прошения было бесполезно. Уполномоченный, резко реагируя на то, что епископ Гавриил напрямую обращается в центральные органы власти, писал в Совет по делам Русской Православной Церкви и в Московскую Патриархию: «Некоторые вопросы епископ Гавриил пытался разрешать помимо уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР путем посылки соответствующих писем и заявлений на имя Патриарха Алексия. Подобными письмами епископ Гавриил стремился показать свою ревность о Церкви православной, о расширении своего влияния в области среди верующих. Такое письмо было послано по поводу церквей в Мясинском районе — спасо-ломской и в Вытегорском районе — Покровской анхимовской, такого же характера было послано письмо в отношении перенесения мощей (“останков”) преп. Герасима из склепа бывшей Троицкой церкви в городе Вологде на кладбище.

Отсутствие успеха в этих мероприятиях подняло значение (авторитет) облисполкома, уполномоченного Совета в глазах епархиального управления и показало, что епископ Гавриил должен был был если не разрешать, то хотя бы консультироваться по затронутым вопросам. Считаю нужным отметить также, что епископ Гавриил при посещении уполномоченного ни одним звуком

не оговорился о том, что он посылал письма на имя Патриарха, и его попытках “обрести” какие-то мощи преподобного Герасима и т. п. Единственное, что выдавало епископа после подачи им в Москву писем, — это вопросы по телефону к уполномоченному Совета: “Из Москвы нового ничего нет?”, на что неизменно следовал ответ: “Нет”»⁴⁶.

Епископ Гавриил даже в сложившихся условиях находил возможности для расширения своего влияния в епархии. Уполномоченный Игнатов, действуя на архиерея, пытался не допускать никаких служб вне храмов: обходов домов в большие праздники с иконами, выездов с купелью для крещений в села, проведения молебнов в частных домах и т. п. Архиерей каждый раз обещал дать «соответствующие указания о прекращении этих ненормальностей», но этих обещаний не исполнял. Более того, он воодушевлял священников с терпением и мужеством переносить притеснения и давление со стороны гражданских властей, исполнять священнический долг, идти на труды туда, куда позовут⁴⁷.

Государство не уберегло «памятники старины, имеющие важное историко-архитектурное значение». Церковь в селе Анхимове сгорела в 1964 г. от молнии. Нелегкой оказалась и участь храма в честь Нерукотворного Образа Спасителя в селе Спас-Лом: он так и остался пустовать, произошло смещение фундамента, из-за чего колокольня начала отделяться от церкви, а алтарная апсида — «зарываться» в землю. Деревянную часовню, располагавшуюся близ храма над родником, в которой старался организовать богослужения священник Геннадий Юрьев, тщательно оберегали сельчане, но в начале 1960-х гг. ее разобрала бригада рабочих под руководством сына председателя колхоза Поташова⁴⁸. Глядя сейчас на разрушающийся храм без крестов, без крыши, с осыпавшейся росписью, заросший березняком, трудно опознать в нем «памятник старины», находившийся под защитой государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 9, л. 38.

² Государственный архив Вологодской области, ф. 1129, оп. 1, д. 1.

³ Камкин А. В. Православие на Севере России в исследованиях 1989–2000 годов // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 20–21 июня 2000 года. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 15.

- ⁴ Тимофеева Я. Б. Письма и заявления с просьбами об открытии храмов как источник по изучению религиозности сельского населения в 1940-е годы (по материалам Государственного архива Вологодской области) // Исторический вестник. 2001. № 2–3 (№ 13–14). С. 113–120.
- ⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 175, л. 10.
- ⁶ Там же, д. 630, л. 42.
- ⁷ Там же, л. 43.
- ⁸ Там же, л. 101–102.
- ⁹ Там же, д. 320, л. 23.
- ¹⁰ Там же, оп. 2, д. 13, л. 144.
- ¹¹ Там же. С. 207.
- ¹² Там же, л. 132.
- ¹³ Там же, д. 331, л. 82; оп. 1, д. 175, л. 53.
- ¹⁴ Там же, оп. 2, д. 13, л. 108–109.
- ¹⁵ Религиозные организации в годы Великой Отечественной войны (1943–1945). С. 62–63.
- ¹⁶ Там же, оп. 2, д. 13, л. 150.
- ¹⁷ Там же, л. 109.
- ¹⁸ Архив Вологодского епархиального управления. Отчет за 1953 год. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Л. 2.
- ²⁰ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 13, л. 137, 138, 143.
- ²¹ 13 сентября 1937 г. на Вологодскую кафедру был назначен епископ Георгий (Анисимов). 13 апреля 1938 г. он был арестован и в декабре 1939 г. осужден к ссылке в Алма-Ату на 5 лет, но по старости и состоянию здоровья Алма-Ата была заменена на г. Молотовск в Кировской области (Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 29). Он упоминается как епископ Вологодский в материалах Совета по делам Русской Православной Церкви по состоянию на 15 марта 1944 г. (ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 4, л. 3, 5).
- ²² ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 13, л. 153–153 об.
- ²³ Там же, оп. 1, д. 630, л. 94.
- ²⁴ Там же, л. 14.
- ²⁵ Там же, л. 23.
- ²⁶ Там же, оп. 1, д. 175, л. 1.
- ²⁷ 19 сентября 1943 г. в Москву прибыл англиканский епископ С. Ф. Гарбетт.
- ²⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 13, л. 154.
- ²⁹ Там же, л. 4.
- ³⁰ Там же, д. 630, л. 49.
- ³¹ Архив Вологодского епархиального управления. Отчет за 1953 год. Л. 3, 4.
- ³² ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 320, л. 6.
- ³³ Жамков А. П. Спас-Ломская обитель // Благовестник. 2004. № 4–5 (№ 108–109). С. 14.
- ³⁴ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 320, л. 27.
- ³⁵ Там же, л. 36.
- ³⁶ Жамков А. П. Указ. соч. С. 14.
- ³⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 761, л. 72–73.
- ³⁸ Там же, д. 479, л. 32.
- ³⁹ Там же, л. 90.

⁴⁰ Там же, д. 630, л. 13.

⁴¹ Там же, д. 497, л. 55.

⁴² Каменный храм во имя свт. Стефана Пермского, расположенный на кладбище в Великом Устюге, был открыт в декабре 1944 г. (ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 331, л. 71). В 1946 г. облисполком удовлетворил ходатайство верующих о предоставлении более просторного собора во имя прп. Прокопия Праведного с условием, чтобы в Стефановской церкви не совершались никакие богослужения, кроме отпеваний и панихид (Там же, оп. 1, д. 93, л. 96–97).

⁴³ Там же, д. 630, л. 15.

⁴⁴ Там же, л. 14.

⁴⁵ Там же, л. 13; д. 761, л. 72–73.

⁴⁶ Там же, д. 890, л. 6–7.

⁴⁸ Благодарю за данную информацию И. В. Спасенкову, доцента кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета.

⁴⁸ *Жамков А. П.* Указ. соч. С. 14. В этой статье я привел неверные сведения о том, что после разрушения часовни родник засох, — источник существует и сейчас.